31(215) - 2004
19 - 25 августа

ОДНОЙ ЗВЕЗДЫ Я ПОВТОРЯЮ ИМЯ

К 115-летию Александра Вертинского

Еще до революции это имя гремело в России. И потом - после Великой Отечественной войны. Успех у зрителей был феноменальный. А как творчество уникального артиста оценивали его коллеги? В конце 70-х я задавал этот вопрос людям искусства, не менее знаменитым - Михаилу Жарову, Ивану Козловскому, Сергею Образцову, Елене Гоголевой. Все - народные артисты СССР, Герои Соцтруда. Они очень тепло вспоминали о своих встречах с Александром Николаевичем Вертинским.

Михаил ЖАРОВ:
ГРАЖДАНИН ПЕВЕЦ, ПОЖАЛУЙТЕ ДОКУМЕНТ

Осенью 1917-го я раза три-четыре был на выступлениях Александра Вертинского в Москве. Он пел тогда чаще в Петровском театре миниатюр. А последний, прерванный, концерт проходил в «Славянском базаре» на Никольской улице, в двух шагах от Кремля.

За несколько дней до этого на улицах Москвы ухала артиллерия, трещали пулеметы, раздавались винтовочные, револьверные выстрелы. Это красногвардейцам противостояли юнкера Александровского училища. Хоронили напрасные, бессмысленные жертвы по-разному: героев революции - на Красной площади с «Интернационалом», с красными знаменами, а юнкеров - в районе теперешней станции метро «Сокол», по тому времени - на городской окраине.

Вертинский написал песню-откровение как результат человеческого сострадания:

Я не знаю,
зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть
недрожавшей рукой,
Только так беспощадно,
так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!..

...И вот Вертинский - на эстраде ресторана «Славянский базар». Он появился не в костюме и гриме Пьеро, как все привыкли, а в черной визитке, крахмальной сорочке, на рукаве - траурный креповый бант. Как он пел! Невозможно передать словами. Он стоял почти неподвижно, никаких жестов, хотя руки его всегда были фантастически выразительными, но в те минуты он их словно кандалами скрепил. Белое лицо, глаза прикрыты. В зале, скажу я вам, женщины рыдали и у мужчин на глазах были слезы. У меня в том числе.

А дальше - как в фильме о революционных днях. Вышли на сцену красногвардейцы и матросы, перепоясанные пулеметными лентами: «Тихо, граждане! Проверка документов!.. И вы, гражданин певец, пожалуйте документ...» Вертинский ушел за кулисы. А вскоре и вовсе подался на юг, как, впрочем, сотни и сотни других. Он - человек богемы, а тут порой откровенное хамство и не знаешь, что тебя ждет сегодня вечером или даже через час. Так Александр Николаевич сам много лет спустя объяснял причину своего отъезда. Но счастье, что он остался жив в революционном вихре.

Мы с ним о многом переговорили в дни съемок фильма «Анна на шее». Удивительный был человек! Талантище, каких поискать!

Иван КОЗЛОВСКИЙ:
ОН ИЗУМЛЯЛ СВОЕЙ НЕНАИГРАННОЙ ПРОСТОТОЙ

Я хорошо помню тот октябрьский вечер 1943 года, когда на приеме в Кремле Сталин, подойдя ко мне, спросил: «Вы знаете Вертинского?» Я сказал, что знаю его как блистательного артиста.

Прошел месяц. Я жил тогда в гостинице «Националь». Утром раздается в номере телефонный звонок. Слышу в трубке, обаятельно картавя, говорят: «Вы не можете себе представить, как я рад, что снова со своим народом! Я всю ночь слушал пластинки. Ваше искусство, песни в исполнении хора Пятницкого растрогали меня до слез...» Это был Вертинский. Он расспрашивал о Москве, о Большом театре, а прощаясь, пригласил на чай: «Приходите сегодня вечером в гостиницу «Метрополь», где пока мой дом. Будет еще Дмитрий Дмитриевич Шостакович».

Мы встретились, очень мило провели вечер, он рассказывал о своем житье-бытье за границей, о встречах с Шаляпиным, Буниным, другими русскими людьми, оторванными от родины. Помню его лицо - оно светилось радостью человека, который «устал петь в чужом краю и, вернувшись, вдруг узнал родину свою». Тогда я записал в дневнике: «Побывал у Вертинского - будто на Масленице погостил. Это большой артист, отнюдь не собрание геометрических фигур».

Сохранился фильм-шутка для капустника. В начале 50-х годов перед встречей Нового года в ЦДРИ корифеи искусства делали свои номера для кино - сами сюжет придумывали, сами режиссировали. В фильме есть такие кадры: камера сначала показывает прилично одетого... до колен Вертинского, камера идет ниже - и вдруг мы видим обнаженные ноги маэстро. И он щетками натирает пол в большом зале Дома работников искусств, при этом руками своими неподражаемо «дирижирует». Тут и ирония, и чувство хозяина - он член этого сообщества, ждет гостей, а пока выполняет трудную работу, на которую не каждый бы решился.

Таким жизнелюбивым, щедрым на доброту к окружающим, удивительно мудрым, настоящим товарищем остался в моем сердце Вертинский.

Сергей ОБРАЗЦОВ:
ТОВАРИЩ СТАЛИН ПРОСИТ «МИНУТОЧКУ»

Впервые музыкальный номер с куклами-обезьянками на романс Александра Вертинского «Минуточка» я показал в 1928 году.

Ну погоди, погоди, Минуточка,
Не плачь, мой мальчик-пай,
Ведь любовь наша
только шуточка,
Это выдумал глупый май!..

С этим номером я стал эстрадником. С «Минуточкой» выступал даже в Георгиевском зале Кремля. Было это перед Великой Отечественной войной. Сборный концерт: Качалов, Уланова, Козловский, хоровой ансамбль Красной армии с дирижером Александровым... Когда мне звонили из Комитета по делам искусств, то определили этот номер для выступления. Видимо, был заказ сверху именно на песенку Вертинского.

В зале ярко горели люстры, на столах - угощения, вино; масса людей. Показывать кукол в таком зале трудно, но прямо перед сценой сидели члены Политбюро: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян. Они, кажется, смотрели и слушали внимательно. Я подумал: для них и буду петь. «...Ну погоди, не плачь, Минуточка...» Вышел на поклоны - вижу у «президиума» веселые лица, аплодируют...

А с Александром Вертинским мы случайно встретились в 1944 году в «Метрополе». Разговорились, он слышал о моем номере и загорелся: «Покажите, пожалуйста!» - «Поедемте ко мне в театр, это недалеко - на площади Маяковского».

Там я достал кукол и пел не без волнения, ведь это номер-шутка, в нем доля иронии к автору романса. Александру Николаевичу искренне понравилось.

Он прочитал свое новое стихотворение про обезьянку Чарли, которая «устает ужасно от больших концертов, от больших ролей...» Бедная актриса смешит людей в кабаке, курит «Кэмел», пьет «для дела» виски, исполняет танец одалиски с оголенным животом. И работать ей с каждым днем все труднее. Я сказал: «Можно сделать номер не хуже «Минуточки». - «Если хотите, то я не против. Только подумайте, не будет ли это повторением самого себя».

А потом мы смотрели из окна, как по улице Горького мимо нашего театра прошли под конвоем тысячи немецких пленных. «Грязи-то сколько после них, - заметил Александр Николаевич. - Ну, ничего, смоем! А по Берлину наши войска пройдут в торжественном марше!»

Через год мы праздновали Победу. Опять прием в Кремле. Я в числе приглашенных на концерт артистов. Прямо передо мной Сталин в форме генералиссимуса. Я поставил ширму, жена села за рояль, выступили. Во время поклонов спешно подходит ко мне ведущий концерта и говорит: «А где же «Минуточка»? Просят...» - и так многозначительно показал глазами в зал.

Елена ГОГОЛЕВА:
ТО БЫЛ ЧУДЕСНЫЙ ВЕЧЕР

Летом 1945 года после тяжелой болезни я жила в подмосковном санатории «Сосны». Отдыхающих было совсем немного, мы размещались в двухэтажном домике. На первом этаже две комнатки с верандой занимала Александра Коллонтай, другие две - Антонина Нежданова и Николай Голованов, так как их дачу на Николиной Горе в самом начале войны разрушили фашисты. На втором этаже жили еще несколько человек и я в маленькой комнатке.

Коллонтай не могла вставать, а когда она себя чувствовала лучше, ее вывозили в кресле на веранду или в гостиную.

С дирижером Головановым мы по вечерам совершали недальние прогулки по единственной ухоженной дорожке до Москвы-реки, где с откоса любовались необычайно красивой на закате церквушкой. Однажды после обеда Николай Семенович предложил мне изменить время прогулки: «Не составите компанию прямо сейчас? Встретим Вертинского. Он звонил, ему нужен мой совет». Я охотно согласилась, мы встретили Вертинского на шоссе, сели в машину, подъехали к нашему домику. Уже через полчаса почти все его обитатели собрались в гостиной, старались громко не разговаривать - знали, что с утра Коллонтай чувствовала себя неважно.

Александр Николаевич чудесно рассказывал о «чужих городах», русской эмиграции. Припомнил, как во Франции он был на обеде с Чарли Чаплином, и великий артист после каждого выпитого бокала шампанского разбивал хрусталь о пол. Когда наконец Александр Николаевич спросил Чаплина, зачем он это делает, тот искренне удивился: «Мне говорили... есть такой русский обычай». Все, кто был в гостиной, дружно рассмеялись, но, сразу вспомнив о Коллонтай, как говорится, убавили громкость нашего общения. Вдруг открылась дверь, медсестра вкатила кресло с Александрой Михайловной Коллонтай. Она была в красивом светлом костюме: «Извините, что без приглашения...»

И вновь Вертинский вспоминал о годах, проведенных вдали от родины. Попросили Александра Николаевича спеть. Он приехал без аккомпаниатора, без нот, но Александра Михайловна неожиданно предложила: «Я вам подыграю. И знаете что? «Безноженьку». Я разучивала ее давным-давно, в 1916 году. И пробовала петь». Александр Николаевич стал деликатно отводить ее от этой грустной песни. «Нет-нет, пожалуйста, - настаивала Коллонтай, - прошу вас... Не хотите?.. Так я сама спою, уж не взыщите».

Кресло подкатили к роялю, играть ей было не совсем удобно, но она начала - не спеша, как бы вспоминая забытую мелодию, и вот негромко, по-домашнему, запела:

Ночью на кладбище строгое,
Только лишь месяц взойдет,
Крошка-малютка безногая
Пыльной дорогой ползет.

Она спела еще один куплет, тут Александр Николаевич подошел к ней, опустился на колени, и они, глядя друг другу в глаза, продолжили дуэтом:

Старой, забытой дороженькой
Между лохматых могил
Добрый и ласковый Боженька
Нынче во сне приходил.

В комнате после такого исполнения воцарилась благоговейная тишина. Коллонтай бережно приблизила голову Вертинского к себе и поцеловала: «Не плачьте, мой дорогой, не то и я разрыдаюсь...» А он взял ее ладони в свои и уткнулся в них лицом...

Подготовил
Сергей ИВАНОВ

На снимках: *А. Вертинский, 1930-е годы, Париж; с женой Лидией Владимировной на даче, 1956 год.*